Франческа Силано

Каноническое право в зале большевистского суда: Русская революция как революция церковного права

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-153-181

Francesca Silano

Canon Law in a Bolshevik Courtroom: The Russian Revolution as an Orthodox Legal Revolution

Francesca Silano — Miami University (USA). silanofg@miamiof.edu

This paper examines how the rapid shift in the relationship between the Orthodox Church and the state in 1917 both facilitated and undermined the Church's longstanding attempt to come to terms with its canonical tradition. Legal restrictions placed upon the Church forced Orthodox leaders to consider the value of their own canonical laws and how to apply them in an inimical context. At the same time, the Church's long history of internal disagreement over the meaning and application of canon law before 1917 left it vulnerable both to the Bolsheviks' intellectual and moral critiques of Church law, and also to their legal restrictions on the Church.

Keywords: Russian Orthodox Church, Russian Revolution, canon law, Patriarch Tikhon, Church Council 1917.

В НАЧАЛЕ 1922 г. Красная армия одержала почти полную победу в кровопролитной гражданской войне, которая бушевала в России четыре года. Однако страна страдала от крайнего голода, отчасти именно вследствие войны и революционных потрясений. В январе — начале февраля того же года представители Православной церкви и представители Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) договорились о том, что церковь будет рекомендовать своим членам жертвовать церковное имущество с целью приобретения продовольствия для голодающих. Со стороны церкви было поставлено условие, что ее руководители будут участвовать в сборе пожерт-

ваний и определять, какие именно предметы следует пожертвовать. Глава Русской православной церкви патриарх Тихон согласился написать обращение ко всем православным христианам, призывая их отдавать все ценности, кроме «священных сосудов», то есть предметов, необходимых для совершения таинств и прежде всего Евхаристии — главного священнодействия в православном богослужении[1].

Однако Тихон не знал, что Президиум ВЦИК подготовил декрет — опубликованный 28 февраля в «Известиях», — в котором разъяснялось, как будет происходить сбор пожертвований. В этом документе членам церкви не было предоставлено права участвовать в сборе и не проводилось никакого различия между священными сосудами и другими предметами[2]. Потрясенный внезапным поворотом событий, Тихон написал другое послание к верующим с разъяснением своей позиции. В заключение он дал следующие указания:

> Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее; священнослужители — извержением из сана[3].

Обосновывая свою позицию, патриарх сослался на два канона (церковных правила), которые он назвал обязательными для исполнения членами Православной церкви: 73-е Апостольское правило и 10-е правило Двукратного Константинопольского собора.

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Под ред. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. Т. 2. М.: РОССПЕН, 1997–1998. С. 15, 20. Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов: по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Под ред. В. Воробьева, Н.А. Кривовой, В.В. Виноградова, Дамаскина (Орловского), Г. Ореханова, Л.Л. Головкова и др. М.: ПСТГУ, 2000. С. 341–345, 850–851.
2. *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО–XX, 1997. С. 36–41. О декрете см.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 850–851.
3. Следственное дело Патриарха Тихона. С. 114–115. О Тихоне см.: *Лобанов В.В.* Патриарх Тихон и советская власть, 1917–1925 гг. М.: Русская панорама, 2008; *Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин И.В.* Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: Русская панорама, 2008; *Сафонов Д.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2013.

Оба этих правила относятся к эпохе древней церкви и запрещают использование священных предметов в мирских целях[4].

Кампания по изъятию церковных ценностей привела к насилию по всей России, поскольку верующие сопротивлялись покушению государства на их святыни[5]. Сотни православных верующих были арестованы и обвинены в контрреволюционной деятельности в связи с их сопротивлением изъятию ценностей[6]. В конце апреля 1922 г. 54 православных священника и мирянина предстали перед судом по «делу московского духовенства», куда 5 мая был вызван в качестве свидетеля сам патриарх Тихон и — как ни странно — подвергнут интенсивному допросу по поводу цитирования им церковных канонов. Обвинители стремились продемонстрировать виновность патриарха в насилии, сопровождавшем конфискации. Они утверждали, что, цитируя каноны и обязывая священников и невежественных мирян подчиняться им, патриарх подталкивал массы к сопротивлению.

Преследование государством в судебном порядке ряда членов церкви в связи с конфискацией церковных ценностей не получило достаточно широкого освещения западными специалистами по российской истории[7]. Когда об этом говорится, то обычно утверждается, что эти события ознаменовали сдвиг в отношениях между церковью и государством, в результате которого государ-

4. См. в любом издании «Книги правил» (например: Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1893; репринт 1992). Второе правило опирается на первое.

5. В общей сложности было зарегистрировано 1414 инцидентов, в ходе которых были либо ранены, либо убиты люди. *Кривова Н.А.* Власть и церковь. С. 75. Более поздний сборник документов проливает свет на то, каким образом осуществлялись эти операции: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики / Под ред. А.В. Мазырина, В.А. Гончарова, и И.В. Успенского. М.: ПСТГУ, 2006.

6. Ryan, J. (2013) “Cleansing NEP Russia: State Violence Against the Russian Orthodox Church in 1922”, *Europe-Asia Studies* 65(9): 1807–1826.

7. Среди англоязычных источников, в которых затрагивается эта тема, см., например: Wood, E.A. (2005) *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*, pp. 94–102. Ithaca: Cornell University Press; Finkel, S. (2007) *On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere*, pp. 158–160. New Haven: Yale University Press; Roslof, E.E. (2002) *Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905–1946*. Bloomington: Indiana University Press (chapters 2-4); Kelly, C. (2016) *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1991*, pp. 47–49. DeKalb: Northern Illinois University Press.

ство начало более агрессивную кампанию против церкви[8]. Однако такая интерпретация предполагает, что в революционный период «государство» и «церковь» были монолитными образованиями, что далеко не так. В судебных процессах 1922–1923 гг. не только государство и поддерживаемые им свидетели подвергали сомнению толкование канонов, предложенное патриархом Тихоном. Священники, специалисты по каноническому праву и даже епископы и митрополиты (епископы особо важных епархий) заявляли, что они с ним не согласны. В зале суда они продолжали традицию связанных с интерпретацией канонов конфликтов, которые тлели на протяжении десятилетий.

На самом деле эти суды не могут быть поняты без обращения ко Всероссийскому церковному собору 1917–1918 гг. На этом соборе церковь впервые могла свободно определять правовые рамки, в которых она будет управляться. На протяжении трех соборных сессий вопрос о том, как толковать каноны, поднимался почти на каждом обсуждении. О том, что значит быть православным в быстро меняющемся контексте, многие участники собора говорили на языке канонического права. В течение года они горячо спорили о том, как применять принятые сотни лет назад каноны — спорили в то время, когда переживали новообретенную свободу от царского надзора и одновременно пытались понять, как сосуществовать с атеистическим правительством. Эти прения так и не увенчались успехом[9].

В 1922 г. патриарх Тихон сам попытался найти авторитетное решение многих из этих вопросов. Когда он давал показания на суде над московскими церковниками, большевистский революционный трибунал превратился в некий гибрид собора и судебного заседания, где перед тысячами людей происходили канонические дебаты, которые ранее велись лишь внутри церкви. Ответы патриарха прояснили его позицию не только по отношению к законам государства, но и перед лицом его собратьев по вере. Он выдвинул такое понимание власти и закона в церкви, которого уже не было, по крайней мере, в течение двухсот

8. Krivova, N. (2007) “The Events in Shuia: A Turning Point in the Assault on the Church”, *Russian Studies in History* 46(2): 8–38; Gribble, R. (2009) “Cooperation and Conflict Between Church and State: The Russian Famine of 1921–1923”, *Journal of Church and State* 51(4): 634–662; Ryan, J. “Cleansing NEP Russia: State Violence Against the Russian Orthodox Church in 1922”.

9. Краткая история применения и развития канонического права в России представлена в работе: Kenworthy, S.M. (2004) “Canon Law”, in B.F. Adams (ed) *The Supplement to The Modern Encyclopedia of Russian, Soviet and Eurasian History*, Vol. 5, pp. 90–96. New York: Academic International Press.

лет, если вообще оно когда-то было. Тихон попытался возродить и, возможно, изобрести новое определение «церкви» — церкви, которая в своем управлении опирается на собственные независимые законы, а не на поддержку со стороны государства.

История неразрешимых канонических конфликтов, которые были характерны для церкви в начале XX в., способствовала возникновению путаницы, которая проявилась в нескольких судебных процессах. Рассмотрение событий 1922 г. в контексте канонических дебатов начала XX в. показывает, как российский революционный контекст открывал новые возможности и порождал новые конфликты внутри самой Православной церкви. Эти конфликты, в свою очередь, использовались большевистским правительством для утверждения нового советского порядка. Таким образом, исследование этих дебатов также позволяет глубже понять взаимоотношения между ранним большевистским государством и Православной церковью и их стремление установить свою власть сначала среди собственного народа, а затем по всей России. В этом смысле, казалось бы, эзотерическая тема канонического права оказывается той призмой, через которую можно увидеть более широкий контекст государственного и церковного строительства в ранний революционный период.

Канонические дебаты до 1917 г.

Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. стал кульминацией начавшегося в конце XIX в. движения за церковные реформы. Призыв к реформам часто сопровождался призывом к восстановлению «каноничности», то есть к организации независимой церкви в соответствии с предписаниями, изложенными в канонических сводах. Термин «канон» относится к решениям церковных соборов и к писаниям авторитетных отцов церкви первых веков церковной истории, которые стали частью законодательства церкви в целом[10]. Тот факт, что церковь руководствуется этими правилами, свидетельствует о том, что она всегда считала себя «видимым обществом, существующим в мире», которое, хотя и подчиняется гражданскому праву, тем не менее считает себя связанным канонами[11].

10. Psarev, A. (2011) “Canon Law”, in J.A. McGuckin (ed) *The Encyclopedia of Eastern Orthodox Christianity*. 2nd Edition, Vol. 1, pp. 98–99. Maldin: Wiley-Blackwell.

11. Vogel, C., Fuhrmann, H., Munier, C., Boyle, L., De Sousa Costa, A., Leisching, P., Metz R. (1967) “Canon Law, History of”, in *New Catholic Encyclopedia*, Vol. 3. New York: McGraw-Hill.

Хотя каноны, безусловно, имеют юридическую силу, они функционируют не только как позитивное право. Во многих случаях каноны не являются предписывающими, но скорее описывают некие стандарты, которые считались важными для христианской жизни и потому должны были приниматься во внимание церковными властями при принятии решений[12].

Когда в XIX в. призывали к «каноничности», имели в виду не столько строгий легализм, сколько оспаривание того понимания церкви, которое нашло отражение в «Духовном регламенте», разработанном при Петре I в начале XVIII в.[13] Петр отменил патриаршество и учредил коллегию епископов — Св. Синод, который должен был осуществлять коллективное руководство церковью. При Синоде была также учреждена должность обер-прокурора — чиновника-мирянина, который подчинялся светским властям[14]. Имперскую церковь не следует воспринимать как просто государственное ведомство, однако «Духовный регламент» посягал на те сферы, которыми традиционно церковь управляла в соответствии со своими собственными законоположениями. Автор «Духовного регламента» епископ Феофан Прокопович настолько грубо нарушил каноны, что был вынужден для обоснования нового церковного порядка создать совершенно новую концепцию церкви[15]. Нарушение канонов надолго поставило церковь в сомнительное положение — не только по отношению к государству, но и в смысле своего самопонимания. К концу XIX в. эта

12. Silano, G. (2020) “Introduction”, in Regino of Prüm. *Two Books on Synodal Causes and Ecclesiastical Disciplines* (*forthcoming*). Самое раннее собрание канонов Русской церкви называлось *Кормчей книгой* и предназначалось для того, чтобы служить в качестве текста, на который епископ мог опираться в решении вопросов церковной жизни (Zuzek, I.P. (1964) *Kormčaja Kniga: Studies on the Chief Code of Russian Canon Law*. Rome: Pont. Institutum Orientalium Studiorum). В восточных церквах отношения между церковью и государственной властью описывались термином «симфония», который подразумевал взаимное сотрудничество церкви и государства, в рамках которого, при сохранении их отдельных сфер, осуществлялась забота о благе империи и народа (Papanikolau, A. (2003) “Byzantium, Orthodoxy, and Democracy”, *Journal of the American Academy of Religion* 71(1): 82).

13. Cunningham, J. (1981) *A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906*, pp. 162, 166. Crestwood: St. Vladimir’s Seminary Press.

14. Cracraft, J. (1971) *The Church Reform of Peter the Great*, pp. 63–112. Stanford: Stanford University Press.

15. Ibid., pp. 222–223. Об отношениях между Св. Синодом и государством см.: Freeze, G.L. (1985) “Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered”, *Journal of Ecclesiastical History* 36: 82–102.

смутная ситуация становилась все более неприемлемой как для епископов, так и для белого (женатого) духовенства.

В 1902 г. редактор «Московских ведомостей» Лев Тихомиров — бывший революционер, ставший монархистом, — написал потрясающую основы статью под названием «Запросы жизни и наше церковное управление»[16]. В ней он изобразил современную ему Православную церковь как слабую, расколотую, чрезмерно зависимую от обер-прокурора, как жертву бюрократии. «Вся эта картина, — писал он, — представляет в целом последствие того, что управление построено в действительности не сообразно со своими собственными законными принципами». Вместо того, чтобы жить «по истинно каноническим нормам», церковь жила в соответствии с понятием «коллегиальности» Феофана Прокоповича (позднее «синодальности»), что не только существенно затруднило выполнение церковью своих функций в судебных делах, но и привело к фундаментальной путанице в церковном управлении и отношениях между церковью и государством. В то же время, пишет Тихомиров, русский народ все чаще воспринимает церковь как неактуальную и отсталую. Для Тихомирова все большее отчуждение церкви от общества было не столько проблемой настоящего, сколько следствием того, что после 1721 г. церковь стала жить несвойственным ей образом. Единственный выход — снова начать жить по канонам.

Статья Тихомирова, которая привлекла внимание царя Николая II и положила начало процессу, в результате которого в 1905 г. царь дал согласие на проведение церковного собора, была типичным примером риторики, характерной для обсуждения вопросов каноничности в тот период. Стремление к каноничности совпало с расцветом исследований в области канонического права как отдельной дисциплины в духовных академиях и университетах, который начался в середине 1800-х гг.[17] Профессора канонического права, в конечном итоге, приняли участие в Предсоборном присутствии, которое начало работу в марте 1906 г. для обсуждения формата и повестки будущего собора. Множество выступавших в Предсоборном присутствии предлагали свое определение «истинной» каноничности, но такие претензии на исключитель-

16. *Тихомиров Л.* Запросы жизни и наше церковное управление. М.: Университетская типография, 1903.

17. Kenworthy, S.M. “Canon Law”, p. 95; Basil, J.D. (2005) *Church and State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914)*, pp. 35–58. Minneapolis: University of Minnesota Press.

но верное понимание неизбежно приводили в ходе обсуждения к тупиковым ситуациям.

Например, члены Предсоборного присутствия, которым было поручено разрабатывать формат собора, погрязли в бесконечных дебатах, апеллируя для обоснования своих собственных идей к канонам, преданию, Св. Писанию и соборам ранней церкви. И хотя все были согласны в том, что собор должен быть «каноническим», согласия относительно самого термина «канонический» достигнуто не было. Ведущие специалисты по каноническому праву нападали друг на друга, и каждый ссылался на исторические примеры, букву канонов или прецеденты, которые могли подорвать позицию других[18].

Для некоторых членов Предсоборного присутствия, таких как Николай Петрович Аксаков, трудности с определением того, что является каноническим, были связаны с самими канонами. В статье, опубликованной в «Церковном голосе», он задается вопросом, почему канонисты склонны искать решения актуальных проблем в «Книге правил» — официальном каноническом сборнике, используемом Русской церковью:

> Представьте себе, что в музее, — каковым и является отчасти для нас «Книга правил», — или в земле, при производимых раскопках найдено то или иное орудие, давным-давно, уже целые века, может быть, не бывшее в употреблении. Ржавчина облепила его плотными слоями; земля забилась во все впадины и углубления... Не скоро можно мысленно восстановить и самую форму его, составить надлежащее о нем представление, понять практический смысл его и назначение. Еще труднее применить его к делу, воспользоваться им в тех целях, для которых оно было в свое время предназначено, если и предположить, что осталось еще вполне пригодным, чтобы прямо быть пущенным в житейский оборот.

Каноны, говорит Аксаков, были взяты из книги точно так же, как старый меч обретен из земли. Самой этой книгой, как и древним оружием, стали злоупотреблять, даже если «обязательность следования им [канонам] никогда не забывалась всецело». Теперь эти каноны «покрыты наслоениями всякого рода» вплоть до «Духов-

18. См, например, спор между тремя ведущими профессорами канонического права — Ильей Бердниковым, Николаем Заозерским и Николаем Суворовым — о том, как созывать собор и кого на него приглашать (Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. В 4 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 3–16).

ного регламента». Сама церковь как их владелец, не зная, как ими пользоваться, сделала из них просто грубые средства устрашения[19].

В действительности, в Русской церкви не было своей традиции канонической экзегезы. История соответствующей рефлексии в России резко контрастирует с историей западной Римско-католической церкви, в которой попытки признавать противоречия в каноническом предании и творчески к ним относиться стали устоявшейся практикой еще в XII в.[20] В России это отсутствие экзегетической традиции в сочетании с введенной Петром I синодальной системой подорвало авторитет канонов, затрудняя признание их объективной ценности, а также развитие навыков их творческого использования для разрешения возникающих проблем. Таким образом, когда изучение канонического права было возобновлено в конце XIX в., это не привело к нахождению способа разрешения вышеуказанных противоречий; кроме того, было совершенно неясно, кто имеет право принимать решения относительно того или иного толкования канонов[21].

Основная трудность толкования канонов связана с тем, что канонисты называют «неизменяемостью»: некоторые эксперты утверждали, что каноны неизменны и, следовательно, жизнь церкви всегда должна соответствовать им. Другие же утверждали, что каноны были составлены в конкретных исторических обстоятельствах и должны интерпретироваться в свете новых событий, а иногда даже отвергаться[22]. Понятно, что члены Предсоборного присутствия не могли прийти к согласию относительно того, как применять каноническое право и, следовательно, как переустро-

19. *Аксаков Н.П.* Несколько примечаний к канонам (1906) — цит. по.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Духовная библиотека, 2004. С. 61–63.

20. Hoeflich, M.H., Grabher J.M. (2008) "The Establishment of Normative Legal Texts: The Beginnings of the *Ius commune*", in W. Harmann, K. Pennington (eds.) *The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234: From Gratian to the Decretals of Pope Gregory IX*, p. 8. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press.

21. В 1913 г. известный церковный историк и правовед Павел Верховской настаивал на том, что неспособность решить эти вопросы подрывает доверие к самой церкви. См.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 63–64.

22. Елена Белякова указывает на ряд такого рода щекотливых канонических вопросов в своей книге: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. См. также: *Белякова Е.В.* Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113; *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: ИРИ РАН, 2011.

ить церковь. Ибо, хотя каждый имел свое представление о канонах, существовало также и множество конкурирующих определений «церкви», которые, по словам Веры Шевцовой, были «безнадежно непримиримыми»[23]. Когда собор, наконец, состоялся в 1917 г., его члены попытались исправить эту ситуацию.

Канонические дебаты на соборе

Во время собора 1917–1918 гг. дебаты о каноничности различных предложений были неразрывно связаны с представлениями о том, что значит жить в современном мире в соответствии с церковной традицией. Дополнительное напряжение в церкви, оказавшейся без монарха и на тот момент — под властью коммунистического правительства, было связано с тем, что, хотя язык канонических дебатов на соборе был похож на язык 1906 г., участники понимали, что ставки резко поднялись. Таким образом, большая часть дебатов о том, восстанавливать или нет в Русской церкви патриаршество — самый горячий вопрос собора, — велась вокруг каноничности, а сторонники и противники восстановления цитировали и толковали каноны для того, чтобы обосновать свое видение церкви и России в эпоху быстрых перемен[24].

Неспециалисты часто с подозрением относились к канонистам и экспертам по правовым вопросам, считая, что у тех слишком технический подход. При обсуждении почти каждого вопроса члены собора чувствовали напряжение между необходимостью следовать «букве закона» и опасностью утратить представление об объективности самих канонов. Эти споры, однако, не просто касались юридических тонкостей, но скорее отражали напряжение, характерное для самого существа церковной жизни: с одной стороны, церкви как обществу необходимы нормы, в соответствии с которыми она будет жить, а с другой, есть опасность, что акцент на таких нормах приведет к чистому легализму[25]. В то время в российском контексте дебаты о каноничности были, по существу, спорами о том, что

23. Shevzov, V. (2003) *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*, p. 52. New York: Oxford University Press. О понимании канонов см.: Cunningham. *A Vanquished Hope*, p. 328.

24. См., например, четыре наиболее известных выступления членов собора — как за, так и против восстановления патриаршества: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 / Под ред. А. Кочергина и А.Н. Мраморнова. Т. 5. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2015. С. 689–741.

25. Silano, G. “Introduction”, p. 6.

значит быть членом церкви, которая теперь может свободно управляться в соответствии со своими собственными правилами.

Это напряжение усугублялось растущим осознанием членами собора того, что новое большевистское правительство пытается подорвать правовой статус Православной церкви. Декрет правительства от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви запрещал церквам и религиозным общинам владеть имуществом, лишал их статуса юридического лица и предусматривал национализацию всей им ранее принадлежавшей собственности[26]. Позднее, 24 августа, 8-е управление Народного комиссариата юстиции (Наркомюста) издало инструкцию с подробным описанием того, как должен выполняться декрет об отделении. В этой инструкции, 30 августа опубликованной в «Известиях», говорится о том, как будет осуществляться управление имуществом, ранее принадлежавшим церкви. Инструкция предписывала провести инвентаризацию всего имущества, используемого в литургической практике (включая церковные здания и священные объекты). Это имущество теперь считалось собственностью местного совета, который может принять решение о предоставлении его верующим для личного пользования[27]. Таким образом, декрет об отделении и инструкция по его применению также заставили членов собора задуматься о том, что значит жить в соответствии с канонами в беспрецедентной ситуации, в которой они оказались, и каковым должно быть отношение между церковным и гражданским правом.

26 августа на соборе обсуждался проект протеста против инструкции Наркомюста, который собор намеревался направить в Совет народных комиссаров (Совнарком), возглавляемый Лениным. В проекте этого протеста члены собора заявляли, что захват храмов и церковного имущества является «абсолютно неприемлемым». То, как Наркомюст планировал проводить конфискации, утверждали они, нарушает ряд канонов. Составители протеста цитировали те же самые каноны, к которым четыре года спустя будет апеллировать патриарх Тихон в своем послании верующим о невозможности передачи священных предметов во время конфискационных кам-

26. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 286–287.

27. Ibid., pp. 849–858. Больше о декрете см.: Rothenberg, J. (1971) "The Legal Status of Religion in the Soviet Union", in Richard R. Marshall Jr. (ed.) *Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917–1969*, pp. 66–69. Chicago: University of Chicago Press; Young, G. (1997) *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*, pp. 55–60. University Park: Pennsylvania State University Press.

паний — чтобы подчеркнуть, что священные сосуды и освященные предметы не могут быть использованы не по назначению. Собор проголосовал за направление в Совнарком специальной делегации для обсуждения нового декрета и передачи протеста.

В начале 1918 г. члены собора обсуждали вопрос о том, как противостоять декрету об отделении, и спорили, какой закон должен соблюдаться, когда гражданское право вступает в противоречие с канонами[28]. Тогда они все еще продолжали надеяться, что большевики не удержатся у власти. К августу, однако, стало очевидно, что новая форма церковно-государственных отношений окончательно вступила в силу. Апеллируя к канонам и требуя от Совнаркома их уважать, собор предлагал новому правительству признать за канонами ту же юридическую силу, что и за декретами самого Совнаркома. 31 августа Илья Громогласов, один из членов собора, направленных для ведения переговоров с представителями Совнаркома, сообщил собору о встрече с управляющим делами Совнаркома Владимиром Бонч-Бруевичем. Бонч-Бруевич зачитал решение собора и заявил: «Здесь ссылка на каноны — это для нас необязательно». Этот ответ, по словам Громогласова, выявил «полную враждебность» Совнаркома по отношению к церкви[29]. Реакция Совнаркома вызвала на соборе бурю, и его члены стали обсуждать, как церковь должна формально определять свое отношение к своей собственности.

7 сентября состоялось заседание собора, на котором обсуждался документ из тринадцати пунктов, разъясняющий взгляды церкви на собственность, а также обязанности верующих по защите этой собственности. Трудности, связанные с выработкой такого определения, стали очевидны сразу же после обсуждения собором первого пункта документа, в котором говорилось, что все храмы и находящиеся в них объекты остаются имуществом Православной церкви, «которое может быть отторгнуто от нее гражданской властью лишь посредством беззаконного захвата и насилия»[30]. Николай Кузнецов, гражданский юрист, представлявший собор в Совнаркоме, протестовал против такой формулировки. Он разъ-

28. Эти дискуссии предшествовали ожесточенным дебатам о каноничности и взаимоотношениях между церковью и государственным законодательством, которые состоялись в августе и обсуждаются здесь: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 10 т. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994–2000. Т. 6. С. 192–207.

29. Деяния Священного Собора. Т. 11. С. 27.

30. Там же. С. 125.

яснил, что, по мнению Совнаркома, имущество, о котором идет речь в статье закона, теперь находится в собственности государства. Как следствие, это означало, что собор не может говорить о «беззаконном захвате», так как, согласно действующему советскому законодательству, в этом нет ничего «незаконного»[31]. Кузнецов рассматривал этот вопрос исключительно с точки зрения государственного законодательства.

Однако подход Кузнецова оспорил архимандрит Иларион (Троицкий). В своей страстной речи он объяснял, что каноны, касающиеся церковной собственности, были составлены в капиталистических обществах. Теперь, при социализме, девятнадцать веков истории переосмысливаются. Но церковь не может просто отказаться от своих священных мест и позволить государству определять условия, при которых они могут быть использованы, и она не должна отказываться от своих законоположений, касающихся собственности, только потому, что государство социалистическое. Даже если государственный закон допускает конфискацию собственности, утверждал Иларион, этот вопрос можно рассматривать и с церковной точки зрения, и «с нашей точки зрения [захват собственности] прежде всего кощунство и, конечно, насилие»[32]. Поэтому он рекомендовал изменить первый абзац, указав, что узурпация церковного имущества является прежде всего святотатством.

Член собора мирянин Михаил Федорович Глаголев добавил, что в документе следует говорить о «незаконности» не с «юридической», а с «религиозной» точки зрения: «Беззаконный есть термин наш, церковный — ветхозаветного происхождения, употребляется постоянно в Библии у его нужно сохранить; следует лишь пояснить, что мы разумеем закон не гражданский, а именно Божий»[33]. В ходе прений члены собора спорили о значении этих слов, однако различия между «религиозной», «нравственной» и «законной» точками зрения так и не были четко объяснены, а определение слова «незаконный» не было согласовано. Когда 12 сентября соответствующее соборное постановление

31. Cunningham, J. (2002) *The Gates of Hell: The Great Sobor of the Russian Orthodox Church, 1917–1918*, p. 445. Minneapolis: University of Minnesota Press. Опубликованные стенограммы заключительных заседаний собора являются неполными. Там, где отсутствует протокол, я ссылаюсь на: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Т. 3 / Под ред. Г. Шульца. М.: Крутицкое подворье, 2002.

32. Деяния Священного Собора. Т. 11. С. 130.

33. Там же.

было принято, в нем содержалась лишь одна ссылка на каноны. При всем акценте на необходимости рассматривать эти вопросы с «церковной точки зрения», на соборе все-таки доминировало чувство неуверенности в том, могут ли каноны сосуществовать с большевистским законодательством, а если могут, то каким образом[34].

В сентябре 1918 г., когда работа собора подходила к концу, становилось все более очевидным, что никакого конкретного метода для разрешения канонических головоломок не найдено. На втором заседании последней сессии собора председательствующий митрополит Арсений (Стадницкий) связал проблемы, с которыми церковь столкнулась при новом правительстве, с тем, что собор так и не решил, как интерпретировать каноны: «Мне думается, приближается время, когда нужно будет с достаточной твердостью и ясностью поставить вопрос о значении канонов в церковной жизни. Этот вопрос... к сожалению, забыли, и это отражается на силе канонической мысли. Нужно решить, какие каноны имеют такое спасительное значение, что я за них должен жизнь свою положить»[35].

Менее чем через четыре года Арсений и некоторые другие члены собора будут допрошены большевистскими органами по этому конкретному вопросу.

Канонические дебаты в революционных судах (1922 г.)

В первые дни процесса над московским духовенством в суд в качестве экспертов были вызваны четыре свидетеля, которые должны были дать показания о том, как патриарх Тихон использовал каноны в своем послании верующим, запрещающем им добровольно сдавать священные сосуды правительству. Трое из них — епископ Антонин (Грановский), протоиерей Сергий Ледовский и о. Сергий Калиновский — были обновленцами, то есть священниками, которые по разным причинам выступали за проведение либеральных реформ в Православной церкви. С начала 1922 г. обновленцы активно сотрудничали со спецслужбами, чтобы по-

34. Окончательный вариант документа см. в: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994. Вып. 4. С. 28–30.

35. Большая часть сказанного Арсением цитируется в: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Т. 3. С. 356–357. Всю цитату см. в: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 81-88.

дорвать позицию патриарха Тихона в вопросе конфискации[36]. На вопрос суда, является ли пожертвование священных сосудов для «милосердных целей» «святотатством», они с определенностью ответили, что нет, утверждая при этом, что патриарх Тихон неправильно применил эти каноны. Они приводили исторические примеры святых, которые отдавали церковные ценности, чтобы помочь нуждающимся людям[37]. Допрос этих свидетелей и их ответы любопытным образом отражают дебаты на соборе 1917–1918 гг.: в области каноники на каждый пример можно найти контрпример.

Более неожиданным, чем свидетельство обновленцев против Тихона, было свидетельство Николая Кузнецова, того самого юриста, который в августе 1918 г. на соборе говорил о том, что церковь должна рассматривать себя с точки зрения государственного законодательства. Кузнецов и после закрытия собора оставался активным членом церкви, защищая ее законные права в новом государстве. Хотя он не присоединился к обновленцам, в своем свидетельстве он повторил аргумент, выдвинутый на соборе: разделение церкви и государства, лишившее церковь всех прав собственности, означает, что патриарх Тихон не имел права решать, как распоряжаться церковным имуществом[38]. Однако Кузнецов

36. См. опубликованное в «Известиях» 29 марта письмо епископа Антонина (Грановского), в котором тот выражал готовность содействовать Помголу в изъятиях церковных ценностей. Roslof, E.E. *Red Priests*, p. 49. Подробнее об обновленцах см.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999; Kenworthy, S.M. (2000/2001) «Russian Reformation? The Program for Religious Renovation in the Orthodox Church, 1922–1925», *Modern Greek Studies Yearbook* 16/17: 89–130; *Шиленок Д., свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): «Обновленческий» раскол в Белоруссии. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; О-во любителей церковной истории, 2006; *Аристова К. Г.* Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: первые уроки советской власти. М.: Изд-во РГУИТП, 2012; *Пантюхин А., диак.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. Аграрного ун-та, 2014; *Галутва Г. В.* Вершины и пропасти Александра Введенского, митрополита и человека. М.; Таруса: Б. и., 2015; *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Общество любителей церковной истории, 2016.

37. Судебный отдел // Известия. 3 мая 1922 г.

38. *Голубцов С.* Первый московский процесс 1922 года по делу «церковников» // Богословский сборник. 1999. № 2. С. 86–87. Работы Голубцова содержат пространные отрывки из следственных материалов. У меня пока не было возможности ознакомиться с этими материалами. Почти никаких исследований о Кузнецове нет, но есть подозрение, что его свидетельство в пользу обвинения определялось его давней приверженностью идее отделения церкви от государства, а также христианскому социализму (*Марцинковский В.* Записки верующего: Из истории ре-

также подтвердил, что все священнослужители, согласно канонам, обязаны подчиняться патриарху Тихону, когда речь идет об имущественных вопросах[39]. Большевистские прокуроры впоследствии использовали этот аргумент против патриарха, утверждая, что Тихон апеллировал к канонам не только для обмана масс, но и для принуждения не желающих выполнять его приказы священнослужителей[40]. Таким образом, свидетельство Кузнецова одновременно и подтвердило каноничность власти патриарха, и подорвало легитимность патриаршей интерпретации самих канонов[41].

К тому времени как Кузнецов и вышеупомянутые священнослужители закончили давать показания, «Известия» сообщали: «Все эксперты единодушно утверждают, что ссылки патриарха Тихона в своем послании на канонические правила совершенно неосновательны», поскольку «73-е апостольское правило и 10-е правило двукратного собора карают употребление священнослужителями священных сосудов для личных целей»[42]. Таким образом, советский журналист воспроизводил для общества аргументы, которые некоторые церковные лидеры приводили в течение многих лет: каноны были составлены в определенное время и в определенном месте, и их нельзя применять к ситуации, реакцией на которую они никогда не были. Так, споры об изменяемости канонов, которые были частью внутрицерковной дискуссии с конца XIX в., стали заполнять страницы большевистских газет, судебных протоколов, внутренних материалов спецслужб, записей судебных следователей.

Действительно, все обвиняемые в московском процессе допрашивались следователями до суда. Во время этих допросов многих спрашивали об их мнении по поводу призыва патриарха от 28 февраля. Между подсудимыми не было согласия относительно канонической обоснованности патриаршей позиции. Например, диакон Николай

лигиозного движения в Советской России (1917–1923). Прага, 1929). Кузнецов и Сергий Калиновский — вышеупомянутый священник-обновленец, который также выступал на суде — играли важную роль в Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии, которая в 1919 г. пыталась заручиться поддержкой патриарха Тихона, но тот отказал ей в своем благословении. *Кривошеева Н.А.* «Всецело приспособление к духу времени» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2(31). С. 29–40.

39. *Голубцов С.* Первый московский процесс 1922 года по делу «церковников». С. 88.

40. Следственное дело Патриарха Тихона. С. 137–138.

41. В последующие месяцы Кузнецов будет подробно объяснять свою логику, давая показания ГПУ о каноничности конфискаций. Там же. С. 214–224.

42. *Николаев Л.* Подвиги христианские // Известия. 3 мая 1922 г.

Громов показал, что он слышал, как священник, с которым он служил, осуждал конфискации. Но сам он считает, что «с момента отделения Церкви от Государства и объявления церковных ценностей народным достоянием, Советская власть имеет полное право взять эти вещи... ссылка Патриарха Тихона на каноны в своем воззвании неудачна»[43]. Священник Сергей Иванович Фрязинов сообщил, что распространял копии послания патриарха и не считает это послание контрреволюционным, но, по его собственному мнению, там «ссылка на каноны не совсем верно истолкована»[44].

Сочетание показаний свидетелей и ответов обвиняемых заложило основу для судебного процесса над патриархом Тихоном перед московским революционным трибуналом. Суд проходил в самом большом лекционном зале Москвы, в Политехническом музее, который вмещал сотни зрителей, желающих наблюдать за допросом самого главного «церковника» России. Председательствующий товарищ Бек и обвинитель Логинов хотели не только показать, что патриарх Тихон занимался контрреволюционной деятельностью, но и подорвать его авторитет перед церковью и широкой советской общественностью. Поэтому патриарха подробно расспрашивали о том, как он понимает каноническое право в его связи с новым государственным законодательством. Бек спросил: «Вы признаете, что церковное имущество не принадлежит церквам в смысле иерархического их построения, по Советским законам?». Патриарх ответил: «По советским да, но не по церковным». Бек: «Тогда возникает вопрос — законы, существующие в Государстве, вы считаете для себя обязательными или нет?». Патриарх: «Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия»[45]. Патриарх подтвердил, что, вопреки утверждениям Кузнецова, существует «церковная точка зрения», которая может сосуществовать с «советской точкой зрения».

Тихон постоянно объяснял свои действия как логически связанные с тем, что он называл объективным авторитетом самих канонов. Он выразил свое несогласие со свидетелями, которые оспаривали его толкование канонов, и утверждал, что, хотя они и приводили исторические примеры, подтверждающие их мнения, но не сказали о том, что во всех исторических случаях цер-

43. *Голубцов С.* Первый московский процесс 1922 года. С. 85.

44. Там же. С. 79–80.

45. Следственное дело Патриарха Тихона. С. 133–134.

ковь отдавала священные сосуды сама, а не в результате конфискации[46]. Но Тихон оспаривал и толкование Кузнецовым отношений между гражданским и церковным правом. На вопрос, кому принадлежат священные сосуды, Тихон ответил: «По канону — Богу и церкви и распорядителю — епископу. По канону, не по Советскому закону»[47]. Когда обвинение заявило: «Вы предпочли каноны христианской нравственности», — патриарх ответил: «Нет, когда церковь сама распоряжается этим имуществом, тогда [можно передавать]... Церковь имеет право, и Патриарх имеет право»[48]. Если Кузнецов утверждал, что новый гражданский порядок подорвал авторитет канонов, то Тихон продолжал настаивать на их авторитетности в церкви и даже в обществе, в котором их авторитет не признавался.

Таким образом, патриарх Тихон отстаивал не только свое собственное толкование канонов, но и то, что он как патриарх имеет право их толковать, предлагая Беку ознакомиться с решениями собора 1917 г., чтобы узнать, какой властью он, Тихон, обладает[49]. «Подводя итоги, — заявил Бек после обсуждения полномочий патриарха, — можем, значит, сделать вывод, что управление всей иерархией ведете вы и что управление церковным имуществом вы считаете своей обязанностью, поскольку это вытекает из канона». Тихон ответил очень просто: «Но фактически, по существу, как видите, не можем»[50].

Впервые за почти двести лет российский иерарх претендовал на исключительную власть толковать и применять каноны, не обладая при этом никакой законной светской властью. Такой подход радикально отличался от подхода синодальной эпохи, когда всегда существовал светский закон, на который церковные иерархи могли опираться, цитируя при этом церковные каноны. Теперь же патриарх Тихон настаивал на авторитете церковных канонов не только в том, что касается управления имуществом, но и относительно его собственной власти и значимости как патриарха. Тем самым он также продвигал взгляд на мир и на порядок вещей, который резко контрастировал с новым порядком: это

46. Там же. С. 137.

47. Там же. С. 142.

48. Там же. С. 137.

49. Там же. С. 148. О правах и обязанностях патриарха см.: Собрание определений и постановлений Священного Собора. Вып. 1. С. 7–11.

50. Следственное дело Патриарха Тихона. С. 150.

было столкновением не столько правовых систем, сколько мировоззрений. После гражданской войны в манихейском мире большевиков не было места для сосуществования двух «точек зрения», но в том мире, в котором жил патриарх, такой парадокс был не только нормальным, но и необходимым. В ближайшие месяцы большевистские прокуроры попытаются упразднить этот парадокс, верша суд над самими канонами.

Так, например, в ходе суда более чем над шестьюдесятью членами церкви, который состоялся в июне 1922 г. в Петрограде, обвинитель использовал конфликт по поводу интерпретации канонического права, который существовал между самими членами церкви. Троих обвиняемых, которые были профессорами, спросили об их интерпретации патриаршего послания. Профессору Юрию Петровичу Новицкому, председателю правления Общества объединенных православных приходов Петрограда, правоведу, знатоку уголовного права, был задан вопрос о том, обязан ли он подчиняться митрополиту Петроградскому Вениамину (то есть высшей церковной власти в городе), который принял решение следовать указаниям патриарха Тихона по поводу конфискации[51]. Новицкий ответил, что должен повиноваться Вениамину «в вопросах религиозных». Однако, отвечая на вопрос об изъятии церковных ценностей, он сказал, что «это вопрос гражданской власти, и в этом отношении я мог и не подчиняться митрополиту»[52]. Как и Николай Кузнецов на московском процессе, Новицкий утверждал, что неспособность церкви расстаться с ценностями свидетельствует о ее неспособности приспособиться к меняющимся временам. Новицкий использовал те же аргументы, что и те, кто утверждал, что каноны нужно со временем изменять.

Другого обвиняемого, священника и бывшего профессора Александра Васильевича Петровского обвинитель Петр Красиков — заместитель председателя Наркомюста и редактор первого антирелигиозного журнала «Революция и церковь» — спросил, представляют ли собой каноны «что-то вечное, незыблемое». Петровский ответил: «Пожалуй, нет». «Значит, они могут быть изменены?» — спросил Красиков. Петровский замешкался, и Красиков добавил: изменены «для практической жизни?». На это Петров-

51. Послание Вениамина см. в: Daly, J., Trofimov, L. (eds.) *Russia: War and Revolution*, p. 312.

52. «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1991 [http://krotov.info/acts/20/1920/1922_veniamin1.htm, доступ от 10.04.2019].

ский ответил: «Пожалуй, да». Красиков заключил: ответ Петровского означает, что каноны, указывающие на то, что епископы должны управлять церковным имуществом, стали «нежизненными» после советского декрета об отделении церкви от государства. Но если это так, спросил Красиков Петровского, то почему митрополит Петроградский Вениамин, следуя за патриархом Тихоном, «во имя канона же ставит ультиматум с угрозами?». «Я не канонист, — ответил Петровский, — я только литургист»[53].

Пожалуй, наиболее ярким свидетельством того, какие следствия имел тот факт, что собор так и не пришел к согласию относительно канонов и их применения, был вызов судом в качестве ответчика Владимира Бенешевича, авторитетного эксперта на соборе 1917–1918 г. Его спросили о канонической действительности послания патриарха, и Бенешевич — как и Кузнецов — сказал, что «с точки зрения юридической, вопрос стоит очень просто: поскольку существовал декрет об отделении церкви от государства и о передаче церковного имущества в пользование верующих, всем имущественным достоянием церкви государство могло распоряжаться по своему усмотрению»[54]. Бенешевич, таким образом, утверждал, что в соответствии с государственным законодательством церковь не имеет юридических прав на свою собственность.

Бенешевичу задавал вопросы и его собственный адвокат Гурович, который специально спросил его о каноническом праве. Бенешевич пояснил, что «с точки зрения церковного права отдача церковных ценностей не противоречит канону, при содействии компетентных органов, если отдача происходит в порядке принудительного изъятия». Другими словами, каноны направлены на то, чтобы священные предметы не осквернялись прикосновением к ним мирян. Кроме того, продолжал Бенешевич, каноны должны применяться только к верующим, а не к неверующим, которых нельзя обвинить в «кощунственно-святотатственном» и для которых эти слова «никакого значения и силы не имеют»[55]. Хотя Бенешевич все-таки настаивал на действительности канонов для членов церкви, он, в конечном счете, утверждал, что вне церкви каноны не обладают каким-либо объективным авторите-

53. Процесс петроградского духовенства (Митр. Вениамин и др. в связи с изъятием ценностей) // Революция и церковь. 1923. № 1–2. С. 65–79.

54. Там же. С. 70.

55. Там же. Анонимный автор текста «“Дело” митрополита Вениамина» сообщает, что Бенешевич давал показания, но об их содержании дает мало информации.

том. Таким образом, он принципиально не согласился с интерпретацией патриарха Тихона, и в ходе петроградского процесса этот факт не был упущен из виду обвинителями.

Для большевистских участников суд апелляция патриарха к канонам, скорее, подтверждала марксистскую теорию права, согласно которой старые правовые системы являются буржуазными структурами, предназначенными для защиты собственности правящих классов[56]. Красиков и другие обвинители выступали против того, что они считали архаичными законами, но в то же время прилагали большие усилия, чтобы продемонстрировать, что патриарх неправильно истолковал эти законоположения[57]. В своем заключительном слове в петроградском суде один из обвинителей, Петр Николаевич Галанза, подробно толковал каноны, цитируемые патриархом Тихоном в своем послании. Согласно Галанзе, оба канона — 73-е Апостольское правило и 10-е правило Двукратного собора — «говорят только о том, что священные предметы не могут быть употребляемы для домашней надобности. В них ничего не говорится об использовании этих предметов для нужд государственных». Как и многие члены собора 1917–1918 гг., Галанза даже нашел другие каноны, вступающие в противоречие с теми, которые цитировал патриарх. В конечном счете, он утверждал, что «изъятие церковных ценностей для спасения голодающих не только не противоречит истинному духу христианства, но, наоборот, оно отвечает самым главным, самым важным принципам учения Христова»[58]. По иронии судьбы речь Галанзы отражала происходившие на соборе дебаты о «духе» закона против его «буквы», и в ней аргумент в пользу «духа» был использован для осуждения патриарха.

После петроградского процесса Петр Красиков написал статью под названием «Тезисы для агитации и пропаганды в связи с церковными процессами». Он связал использование канонов с классовой борьбой, утверждая, что «канонисты, профессора

56. Solomon, P. (1996) *Soviet Criminal Justice Under Stalin*, p. 18. New York: Cambridge University Press.

57. Сам Троцкий организовал кампанию в прессе по дискредитации канонического права. В серии статей, стихотворений и брошюр СМИ сравнивали каноническое право и общественный порядок, в котором оно возникло, с более справедливым и современным советским миром. Silano, F. (2017) *'In the Language of the Patriarch': Patriarch Tikhon, the Russian Orthodox Church, and the Soviet State, 1865–1925*, pp. 300–306. Phd diss., University of Toronto.

58. Процесс петроградского духовенства. С. 77–78.

юридических наук, инженеры, врачи, адвокаты и бывш. царские чиновники» составили во главе с Тихоном заговор: «прикрываясь христианской религией и канонами православных церковных соборов», они обманывали «самые темные, самые невежественные, большей частью хулиганские элементы населения». Он пояснил, что суды выявили истину: все экспертизы «наиболее сведущих ученых канонистов и церковников», в том числе самого известного канониста России Владимира Бенешевича, показали, что «таких канонов, запрещающих государственной власти под страхом анафемы изъятие золота и серебра из храмов на голодающих, даже не существовало в христианской церкви»[59]. Красиков, таким образом, воспользовался отсутствием согласия в церкви относительно каноничности, чтобы подорвать церковную власть.

Длительная история внутрицерковных споров относительно толкования канонов и их применения не могла закончиться в одночасье. Оспаривание позиции Тихона продолжалось в самой церковной среде. В последующие месяцы другие иерархи заявляли, что они не согласны с патриаршей интерпретацией канонов[60]. Когда приговоры были вынесены, большинство революционных судов рекомендовали судить Тихона перед Верховным революционным трибуналом за организацию заговора, который привел к бесчисленным смертям[61]. Одним из основных видов оружия в этом заговоре, как утверждалось, были каноны Православной церкви. В обвинительном акте против Тихона указано следующее:

> На вопрос же о том, насколько вправе был Тихон, ссылаясь на 73 правило Апостольское и 10 правило Двукратного Собора, говоря о святотатстве, экспертиза твердо установила, что ссылка и на эти правила также лжива и рассчитана на невежественные массы[62].

59. *Красиков П.* Тезисы для агитации и пропаганды в связи с церковными процессами // Революция и церковь. 1923. № 1–3. С. 3–8.

60. См., например, показания епископа Смоленского Филиппа (Ставицкого) в ходе смоленского процесса: Смоленский процесс над церковниками в сопротивлении изъятию ценностей // Революция и церковь. 1924. № 1–2. С. 64–68.

61. В обвинительном акте в отношении Тихона говорится, что запросы были направлены из ревтрибуналов Новгорода, Шуи, Ростова-на-Дону, Смоленска, Старой Руссы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска и Москвы. См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 305.

62. Там же. С. 304.

* * *

В 1923 г. митрополит Арсений (Стадницкий), председатель Церковного совета, который в 1918 г. настаивал на выяснении того, какие каноны настолько важны, что требуют пожертвовать жизнью, стал обвиняемым вместе с патриархом Тихоном. В ходе первого допроса сотрудниками ГПУ Арсений сказал, что Тихон использовал каноны «неправильно»: «Таких канонов, которые запрещали бы изъятие церковного имущества на дела милосердия, я не знаю»[63]. Арсений столкнулся с той же дилеммой, что и несколько лет назад, однако на этот раз ему пришлось формулировать свое понимание канонов не перед собором, а перед спецслужбами. В самой церкви сохранялась принципиальная неясность относительно места, толкования и применения канонов, и под давлением большевистского государства это стало совершенно очевидным.

Итак: Октябрьская революция заставила церковных лидеров обратиться к давнему вопросу о том, как интерпретировать каноническое право в современную эпоху. Впервые столкнувшись с государственным аппаратом, который не только отказывался признавать действительность канонов, но и стремился использовать собственное законодательство для подрыва церкви, члены церковного собора пытались найти язык и метод для противодействия вторжению государства на территорию, которую они считали по праву принадлежащей им. Если одни настаивали на том, что эпоха, когда каноны обладали авторитетом в российском государстве, закончилась, то другие утверждали, что каноны остаются авторитетными независимо от обстоятельств. Неспособность членов собора прийти к единому мнению о том, как применять каноны — или хотя бы о том, каким образом рассматривать канонические вопросы, — была использована государственными обвинителями в ходе судебных процессов 1922 и 1923 гг. Залы судебных заседаний по всему Советскому Союзу стали площадкой для продолжения споров десятилетней давности о месте канонического права в церковной жизни.

В то же время кампания по изъятию церковных ценностей и последовавшие за ней судебные процессы позволили самому патриарху Тихону продвигать свою собственную интерпретацию канонов, которую он охарактеризовал как авторитетную, поскольк-

63. Там же. С. 208–209.

ку она опиралась на сами каноны, на постановления церковного собора и на полномочия патриарха. К 1922 г. патриарх, без сомнения, уже понял, что тот мир, который знал он и члены собора, рухнул. Каноны оставались для Тихона одним из немногих инструментов, с помощью которых он мог предложить способ быть православным во враждебном окружении. Впервые за почти двести лет российский патриарх утверждал авторитет канонов — и их патриаршую интерпретацию, — независимо от того, что предписывает государственный закон.

Позднее Тихон откажется от этих утверждений и заявит, что, апеллируя к канонам, вводил массы в заблуждение. Но в 1922 г. обновленцы, тихоновцы и даже агенты ГПУ начали осознавать важность поиска канонического способа защиты своей оценки церковных решений[64]. Таким образом, революция в России, а затем и судебные процессы 1922–1923 гг. над членами Православной церкви предоставили неожиданную возможность церкви и ее лидеру обсуждать каноны и давать им свою окончательную интерпретацию. В свою очередь, сами каноны стали средством разграничения, обсуждения и определения того, что значит быть православным христианином в большевистском мире.

Перевод с английского Александра Кырлежева.

Библиография / References

Аксаков Н.П. Несколько примечаний к канонам // Церковный голос. 1906. № 17, 18, 19.

Архивы Кремля: Политбюро и церковь 1922–1925 гг. / Под ред. Покровского Н.Н., Петрова С.Г. Т. 2. М.: РОССПЭН, 1997–1998.

Белякова Е.В. Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113.

64. Весной 1923 г. «собор» обновленческого духовенства лишил патриарха Тихона сана на основании канонического права (Документы по обновленческому движению: Поместный собор Российской Православной Церкви 1923 года (обновленческий) / Под ред. М. Данилушкина // История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1918. СПб.: Воскресение, 1997. С. 851–852). Об использовании Тихоном канонов для борьбы с обновленцами см. его послания после освобождения из-под ареста: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 857–859; также см. его интервью газете «Известия», в котором он говорит о важности канонов (Беседа с б[ывшим] патриархом Тихоном // Известия. 29 июня 1923 г.). В 1924 г. начальник 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Евгений Тучков в своем докладе главе этого отдела подробно объяснял, на что они пошли, чтобы продемонстрировать канонический статус обновленческого собора 1923 г. (см.: Архивы Кремля: Политбюро и церковь 1922–1925 гг. Т. 2. С. 416–420).

Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Духовная библиотека, 2004.

Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: ИРИ РАН, 2011.

Голубцов С. Первый московский процесс 1922 года по делу «церковников» // Богословский сборник. 1999. № 2. С. 75–106.

«Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1991.

Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 10 т. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994–2000.

Документы по обновленческому движению: Поместный собор Российской Православной Церкви 1923 года (обновленческий) / Под ред. М. Данилушкина // История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1918. СПб.: Воскресение, 1997.

Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. В 4 т. СПб., 1906.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики / Под ред. А.В. Мазырина, В.А. Гончарова и И.В. Успенского. М.: ПСТГУ, 2006.

Красиков П. Тезисы для агитации и пропаганды в связи с церковными процессами // Революция и церковь. 1923. № 1–3. С. 3–8.

Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО–XX, 1997.

Кривошеева Н.А. «Всецело приспособление к духу времени» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2(31). С. 29–40.

Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин И.В. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: Русская панорама, 2008.

Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть, 1917–1925 гг. М.: Русская панорама, 2008.

Марцинковский В. Записки верующего: Из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923). Прага, 1929.

Процесс петроградского духовенства (Митр. Вениамин и др. в связи с изъятием ценностей) // Революция и церковь. 1923. № 1–2. С. 65–79.

Сафонов Д. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: Фонд сохранения духовно-нравственной культуры. Покров, 2013.

Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 / Под ред. А. Кочергина и А.Н. Мраморнова. Т. 5. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2015.

Священный собор православной Российской церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Т. 3 / Под ред. Г. Шульца. М.: Крутицкое подворье, 2002.

Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов: по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Под ред. В. Воробьева, Н.А. Кривовой, В.В. Виноградова, Дамаскина (Орловского), Г. Ореханова, Л.Л. Головкова и др. М.: ПСТГУ, 2000.

Смоленский процесс над церковниками в сопротивлении изъятию ценностей // Революция и церковь. 1924. № 1–2. С. 45–86.

Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942.

Тихомиров Л. Запросы жизни и наше церковное управление. М.: Университетская типография, 1903.

Aksakov, N.P. (1906) "Neskol'ko primechanii k kanonam" [A few notes to the canons], *Tserkovnyi Golos* 17, 18, 19.

Basil, J.D. (2005) *Church and State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914)*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Beliakova, E.V. (2011) "Izdanie Kormchei Knigi i problema smeny kul'turnoi orientatsii" [The publication of the *Kormchaia kniga* and the problem of changing cultural orientation], *Rossiiskaia istoriia* 4: 103–113.

Beliakova, E.V. (2004) *Tserkovnyi sud i problemy tserkovnoi zhizni* [Church court and problems of church life]. Moscow: Dukhovnaia biblioteka.

Beliakova, E.V., Beliakova, N.A., Emchenko, E.B. (2011) *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika* [Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice]. Moscow: IRI RAN.

Cracraft, J. (1971) *The Church Reform of Peter the Great*. Stanford: Stanford University Press.

Cunningham, J. (1981) *A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906*. Crestwood: St. Vladimir's Seminary Press.

Cunningham, J. (2002) *The Gates of Hell: The Great Sobor of the Russian Orthodox Church, 1917–1918*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Daly, J., Trofimov, L. (eds.) (2009) *Russia in War and Revolution, 1914–1922: A Documentary History*. Indiana: Hackett.

Danilushkin, M. (ed) (1997) "Dokumenty po obnovlencheskomu dvizheniiu: Pomestny sobor Rossiiskoi Pravoslavnoi Tserkvi 1923 goda (obnovlencheskii)" [Documents on the Renovation Movement: Local Council of the Russian Orthodox Church, 1923], in *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Novy patriarshii period*. Tom 1, 1917–1918, pp. 842–866. SPb: Voskresenie.

Deiiniia Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg. [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918] (1994-2000). 10 Volumes. M.: Novospasskogo monastyr'.

Delo Mitropolita Veniamina (Petrograd, 1922 g.) ["The Case" of Metropolitan Veniamin. Petrograd, 1922] (1997). Moscow: Trite. [http://krotov.info/acts/20/1920/1922_veniamin1.htm, accessed on 18.03.2019].

Finkel, S. (2007) *On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere*. New Haven: Yale University Press.

Freeze, G.L. (1985) "Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered", *Journal of Ecclesiastical History* 36: 82-102.

Golubtsov, S. (1999) "Pervyi moskovskii protsess 1922 goda po delu 'tserkovnikov'" [The first Moscow trial of 1922 in the case of "tserkovniki"'], *Bogoslovskii sbornik* 2: 75–106.

Gribble, R. (2009) "Cooperation and Conflict Between Church and State: The Russian Famine of 1921–1923", *Journal of Church and State* 51(4): 634–662.

Hoeflich, M.H., Grabher J.M. (2008) "The Establishment of Normative Legal Texts: The Beginnings of the *Ius commune*", in W. Harmann, K. Pennington (eds.) *The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234: From Gratian to*

the Decretals of Pope Gregory IX, pp. 1–21. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press.

Kelly, C. (2016) *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1991*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Kenworthy, S.M. (2000/2001) "Russian Reformation? The Program for Religious Renovation in the Orthodox Church, 1922–1925", *Modern Greek Studies Yearbook* 16/17: 89–130.

Kenworthy, S.M. (2004) "Canon Law", in *The Supplement to The Modern Encyclopedia of Russian, Soviet and Eurasian History*, Volume 5. Bruce F. Adams (ed), pp. 90–96. New York: Academic International Press.

Kochergin, A., Mramornov, A.N. (eds) (2015) *Sviashchennyi Sobor Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918* [Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918]. Vol. 5. Moscow: Izd. Novospasskogo monastyria.

Krasikov, P. (1923) "Tezizy dlia agitatsii i propogandy v sviazi s tserkovnymi protsessami" [Theses for agitation and propaganda in connection with church processes], *Revoliutsiia i tserkov'* 1–3: 3–8.

Krivosheeva, N.A. (2009) "Vsetselo prisposoblenie k dukhu vremeni" [Fully adapting to the spirit of the times], *Vestnik PSTGU, Seriia II* 2(31): 29–40.

Krivova, N. (1997) *Vlast' i tserkov v 1922–1925 gg.: Politbiuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva* [The authorities and the church in 1922–1925: The political bureau and the GPU in the struggle for church values and the political subordination of the clergy]. Moscow: AIRO-XX.

Krivova, N. (2007) "The Events in Shuia: A Turning Point in the Assault on the Church", *Russian Studies in History* 46(2): 8–38.

Lavrov, V.M., Lobanov, V.V., Lobanova, I.V., Mazyrin, I.V. (2008) *Ierarkhiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, patriarshestvo i gosudarstva v revoliutsionnuiu epokhy* [Hierarchy of the Russian Orthodox Church, the patriarchate and the state in the revolutionary era]. Moscow: Russkaia panorama.

Lobanov, V.V. *Patriarkh Tikhon i sovetskaia vlast', 1917–1925 gg.* [Patriarch Tikhon and the Soviet authorities, 1917–1925] (2008). Moscow: Russkaia Panorama.

Martsinkovskii, V. (1929) *Zapiski veruiushchego: Iz istorii religioznogo dvizheniia v Sovetskoi Rossii (1917–1923)* [Notes of a believer: From the history of the religious movement in Soviet Russia (1917–1923)]. Prague.

Mazyrin, A.V., Goncharov, V.A Uspneskii, I.V. (eds.) (2006) *Iz"iatie tserkovnykh tsennostei v Moskve v 1922 godu: sbornik dokumentov iz fonda Revvoensoveta Respubliki* [The seizure of church property in Moscow in 1922: a collection of documents from the fund of the Revolutionary Military Council of the Republic]. Moscow: PSTGU.

Papanikolau, A. (2003) "Byzantium, Orthodoxy, and Democracy", *Journal of the American Academy of Religion* 71(1): 75–98.

Percival, H.R. (ed.) (1900) *Select Library of the Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church, Second Series, Volume 14: The Seven Ecumenical Councils of the Undivided Church*. Buffalo: Christian Literature Publishing Co.

Pokrovskii, N.N., Petrov, S.G. (eds.) (1997-1998) *Arkhivy Kremlia: Politburo i tserkov' 1922–1925 gg.* [Kremlin archives: Politburo and church 1922–1925]. Vol. 2. M.: ROSSPEN.

"Protsess petrogradskogo dukhovenstvo (Mitr. Veniaminov i dr. v sviazi s iz"iatiem tsennostei" [The process of the Petrograd clergy (Met. Veniamin et al. in connection with the seizure of values)], *Revoliutsiia i tserkov'* 1–3 (1923): 65–79.

Psarev, A. (2011) «Canon Law», in J.A. McGuckin (ed) *The Encyclopedia of Eastern Orthodox Christianity*. 2nd Edition, Vol. 1. Maldin: Wiley-Blackwell.

Roslof, E.E. (2002) *Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905–1946*. Bloomington: Indiana University Press.

Rothenberg, J. (1971) "The Legal Status of Religion in the Soviet Union", in Richard R. Marshall Jr. (ed) *Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917–1969*, pp. 61–102. Chicago: University of Chicago Press.

Ryan, J. (2013) "Cleansing NEP Russia: State Violence Against the Russian Orthodox Church in 1922", *Europe-Asia Studies* 65(9): 1807–1826.

Safonov, D. (2013) *Sviatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskii i vseia Rossii, i ego vremia* [Saint Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, and his time]. Moscow: Fond sokhranenia dukhovno-nravstvennoi kul'tury Pokrov.

Schultz, G. (ed) (2002) *Sviashchenyyi sobor pravoslavnoi Rossiiskoi tserkvi 1917–1918 gg: Obzor deianii* [Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918: Overview of the Acts]. Tom 3. Moscow: Krutitskoe podvor'ie.

Shevzov, V. (2003) *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. New York: Oxford University Press.

Silano, F. (2017) *'In the Language of the Patriarch': Patriarch Tikhon, the Russian Orthodox Church, and the Soviet State, 1865–1925*. Phd diss., University of Toronto.

Silano, G. (2020) "Introduction", in Regino of Prüm. *Two Books on Synodal Causes and Ecclesiastical Disciplines* (*forthcoming*).

"Smolenskii protsess nad tserkovnikami v soprotivlenii iz"iatiiu tsennostei" [Smolensk process over churchmen in resisting the seizure of values], *Revoliutsiia i tserkov'* 1–2 (1924): 45–86.

Sobranie uzakonenii i razporiazhenii rabochego i krest'iankskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg. [The collection of laws and orders of the workers and peasants' government for 1917–1918]. M., 1942.

Solomon, P. (1996) *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. New York: Cambridge University Press.

Swan, J. (2015) *Chosen for His People: A Biography of Patriarch Tikhon,* 2nd ed. Jordanville: Holy Trinity.

The So-Called First-Second Council-861 (Constantinoplitanum), *The Canons of the Eastern Orthodox Church* [https://sites.google.com/site/canonsoc/home/-canons-of-the-particular-councils/constantinoplitanum-861, accessed on 10.04.2019].

Tikhomirov, L. (1903) *Zaprosy zhizni i nashe tserkovnoe upravlenie* [Life requests and our church government]. Moscow: Universitetskaia Tipografiia.

Vogel, C., Fuhrmann, H., Munier, C., Boyle, L., De Sousa Costa, A., Leisching, P., Metz R. (1967) "Canon Law, History of", in *New Catholic Encyclopedia*, Vol. 3. New York: McGraw-Hill.

Vorob'ev, V., Krivova, N.A., Vinogradov, V.V., Damaskin (Orlovskii), Orekhanov, G., Golovkova, L.L. et al. (eds.) (2000) *Sledstvennoe delo Patriarkha Tikhona: sbornik dokumentov: po materialam Tsentral'nogo Arkhiva FSB RF* [Investigation of Patriarch Tikhon: a collection of documents: based on materials from the Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Moscow: PSTGU.

Wood, E.A. (2005) *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Young, G. (1997) *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. University Park: Pennsylvania State University Press.

Zhurnaly i protokoly zasedanii vysochaishe uchrezhdennogo Predsobornogo Prisutstviia [Journals and Minutes of the Meetings of the Highestly Established Pre-Council Commission] (1906). 4 Vol. St. Petersburg.

Zuzek, I.P. (1964) *Kormčaja Kniga: Studies on the Chief Code of Russian Canon Law*. Rome: Pont. Institutum Orientalium Studiorum.